

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ «ОПЛОТНЕННОСТЬ» СМЫСЛА

© 2009 С.Н.Переволочанская

Нижегородский государственный лингвистический госуниверситет им. Н.А.Добролюбова

Статья поступила в редакцию 25.09.2009

Категории смысла может быть представлена как триипостасная сущность: смысл как концептуальная — категориальная — реальная сущности с разной степенью абстрагирования. Ему принадлежит функция содержательной стратификации. В узловых моментах смысловой ступок получает свою концептуальную ментальную форму — «оплотнение». Сущностный концептуальный смысл — исходная точка в построении смысловой перспективы слова. Язык оказывается местом встречи по-разному организованных смыслов, способных менять материю языка.

Ключевые слова: концептуальное оплотнение, онтологический статус смысла, смысловая метаморфоза, протOVERбальный смысл, смысловая оппозиция, языковой смысл, языковое значение.

В лингвистической науке представлен широкий круг исследований в области смысла, идеи движутся по нескольким направлениям. Первое, традиционное, развивающее теорию А.А.Потебни (Г.П.Мельников, А.Н.Леонтьев, Э.Д.Сулейменова, В.Г.Колшанский, С.А.Васильев, И.А.Зимняя), признает смысл речевой категорией. Например, А.В.Бондарко считает, что смысл обусловлен контекстуально. С.А.Васильев отмечает две функции текстов: одна связана с эквивалентной передачей значений, другая — с порождением новых смыслов. Последние возникают в момент коммуникативного движения текста от автора к воспринимающему сознанию. В этом случае текст берет на себя инициативу, порождает особую семантическую энергию, появляющуюся вне воли автора, выступая при этом как «смысловой генератор» (Ю.М.Лотман).

Другое направление представлено своеобразием трактовки смысла в исследованиях И.М.Кобозевой¹. Смысл слова в отличие от инвариантного значения, трактуется как вариант интенционала, его (слова) интерпретация, коннотация слова. Из чего явствует, что смысл в данной работе может быть причислен к явлениям языковым.

Третье направление дает широкое (суммирующее) понимание смысла. В рамках концепции Г.П.Мельникова существуют «абстрактный социально значимый смысл, который заготавливается заранее (до речевого общения) и лишь воспроизводится всеми по памяти» и «ситуативные конкретные смыслы, которые творчески создаются в момент номинации говорящими»². Но и эти уз-

альные и окказиональные смыслы не могут быть признаны языковыми сущностями.

Следующее, полярное представленным выше направление, среди авторов которого В.А.Звегинцев, А.Г.Волков, делает ставку на связь смысла с внеязыковым содержанием, поэтому определяет смысл внеязыковым явлением. «Значение — внутри языка, смысл — вне языка»³.

Для того чтобы дать объективное в научном плане повествование, потребовалось онтологически осмыслить некоторые глубинные категории, потому что область залегания смысла — и языковая, и речевая, и ментальная сферы. Феномен смысла предстает единой сущностью в разных формах своего проявления, в разных условиях бытования: на ментальном, языковом и речевом уровнях. Смысл мигрирует в этих областях, меняет свой онтологический статус, перевоплощается. Он отражает определенную структуру знания, т.е. может рассматриваться как концептуализированная единица. По этой причине в смысле как субстанции можно выделить интегральные и дифференциальные признаки. Такого рода компоненты, пройдя динамический процесс ассоциирования, предьявляют себя как категория. Соответственно интегральные признаки (общие субстанциональные качества) — база для объединения составляющих в парадигму, дифференциальные признаки — основа для выявления отношений противопоставленности внутри этой парадигмы. Однородным (интегральным) признаком выступает сущностная характеристика — это субстрат, образовавшийся на базе таких признаков как абстрактность, идеальность, потенциальность. Противопоставленные единицы фиксируют полный спектр дифференциальных признаков принадлежности сущности к разным, выявляющим специфику уровням триипостасной модели.

⁰ Переволочанская Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и общего языкознания. E-mail: perescetnik@yandex.ru

¹ Кобозева И.М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. Сб. статей / Под общ.ред. Н.Д.Арутюновой. — М.: 2000. — С. 313 — 318.

² Алефиренко Н.Ф. Спорные вопросы лингвистики. — М.: 2005. — С. 98.

³ Звегинцев В.А. Значение и смысл в деятельности общения // В.А.Звегинцев. Язык и лингвистическая теория. — М.: 2001. — С. 176.

Триипостасность смысла в составляющих ее компонентах выглядит следующим образом: смысл как концептуальная сущность, — категориальная сущность, реальная сущность с разной степенью

абстрагирования. В речи — конкретное, в языке — отвлеченное, в концептуальных системах — абстрактное.

Концептуальные системы	Абстрактное ↓↑	Концептуальная ↓	Сущность	С М Ы С Л
язык	отвлеченное ↓↑	категориальная ↓	сущность	
речь	конкретное	реальная	сущность	
уровни-ипостаси	по степени абстрагированности	различное	общее	

Рис. 1. Триипостасность смысла

При включении в объем понятия «смысл» его нетипичных и несущественных признаков содержательная сторона категории расширяется до глобального знания. Из чего можно заключить, что смысл с этой точки зрения эксплицируется как когнитивная категория. В полевом варианте она может быть предъявлена в виде концептуального ядра, окружающей его категориальной сущности (в классической и когнитивной ее части), на периферии смысл осуществляется как реальное воплощение в материи речевых актов. Парадоксальность феномена смысла обусловлена трансформацией разных сущностей смысла, их смысловой метаморфозой: из ментальности в языковую системность, из языка в речевую действительность (и обратно).

Сомнения может вызвать то, что в единство сплавляются разнородные и равновеликие уровни. Но опасения оказываются беспочвенными, если признать конституирующую сущность смысла. Именно он является тем субстратом, на базе которого соединяются ипостаси: концептуальная система — язык — речь. Смыслу здесь принадлежит функция содержательной стратификации. Это обеспечивает единственность и нераздельность указанной триипостасной модели, а разнородность уровней провоцирует неслиянность компонентов. Таким образом, в перспективе научного описания выявились три аспекта рассмотрения феномена смысла — концептуальный, языковой и речевой. Такое видение смысла возможно в комплексном научном описании: это стык диахронического и синхронического подходов.

Обсуждение динамики смыслового развертывания следует начать с описания ментальной сферы, реализовавшей свою сущность в концептуальных системах. Понятно, что это феноменологическая область рассуждений. В упрощенном варианте речь должна идти об объекте из мира «идеальное» (А.Вежицкая), о концепте как вместилище смысла. Очень часто смысл и концепт считаются рядоположенными явлениями, изоморфными.

«Место» бытования концепта (инобытие) концептуальные системы, «действие» которых разворачивается на базе ядра ментально-лингвальной

сферы. Это область, где языковое влияние осуществляется на семантическом уровне, в зоне собирательной энергии означаемого, где фрактальные блуждания завершаются концептуализацией. Для обозначения непостижимо-непознаваемого существуют терминологически близкие понятия: эйдос (Платон), ноэма (Э.Гуссерль), эйдетический смысл (А.Ф.Лосев), туманное нечто, эмбрионы мысленных операций (С.А.Аскольдов), ментальные образы (современная лингвистика). Все термины в большей или меньшей степени отражают существование идеального бесконечно-мерного мира смыслов. У Платона — это космос, обнаруживающий себя через совокупность взаимосвязанных идей — эйдосов, довлеющих над миром устанавливаемыми правилами. А.Ф.Лосев, опираясь на платоновскую идею, называет это небытие термином меон. Последнее в концепции философа имеет черты ранжированности, которая может быть понятна как попытка категоризации смысла (смысл на разных ступенях абстрагирования). «Меонально-инобытийная лестница» спускается вниз: первосущность — чистые эйдетические смыслы — ноэмо-ноэтические смыслы. По Платону, эйдосы «преднаходятся», а ноэмы, по мнению Э. Гуссерля, конституируются в актах сознания — ноэсах. Различие позиций Э.Гуссерля, и А.Ф.Лосева заключается в определении онтологической сущности языка по отношению к предустановленным смыслам. Для первого эйдетический смысл априорный, вербально не выраженный, для второго данный смысл сближается с языком, ему приписывается особая языковая природа. А.Ф.Лосев полагал, что чистые эйдетические смыслы есть некий особый язык, отличающийся от естественного, который не в состоянии передать всю глубину такого рода смыслов: он (естественный язык) отягощен человеческими субъективными моментами. По этой причине идеальный смысл не может быть выражен прямо, а способен только опосредоваться через естественный язык. Для сравнения приведем высказывание противоположного толка, автор его М.Мерло-Понти, считавший язык своеобразной формой порождения эйдетического смысла. «Мышление способно отрываться от своих мате-

риальных инструментов и отливаться в вечные истины»⁴. Совершенно очевидно, что здесь представлена разная логика прорастания смысла: у А.Лосева смысл воплощается в материальных формах, у А.Мерло-Понти «телесность внедряется в смысл»⁵.

Если следовать лосевским рассуждениям, то в движении по меональной лестнице вниз появляется еще один уровень смысла — ноэмоноэтический. По А.Лосеву, «ноэма есть иное идеи»⁶. Этот уровень можно признать переходным, характеризующим скрытые языковые потенции: смысловая энергия ищет свою телесность. Наличие телесности и ее отсутствие — основание для различения чистого эйдетического и ноэмоноэтического смыслов. «Идея есть чистое мышление, чистое чувство и выражается уже не в словесном, но в умном виде. Словесное, звуковое воплощение оказывается слишком тяжелым и неповоротливым для передачи умной энергии. И вот ноэма-идея замолкает в смысле физического звучания и превращается в чистую умную же воплощенность умного предмета...»⁷. Единство ноэтики (как акта выражения, интенции) и ноэматике (как результат воспринятого) может служить «соединительной тканью» в сложных взаимоотношениях языка и концептуальных систем. Предположим, что вечные чистые смыслы, преломляясь в ноэматическом смысле, через ноэтическую интенцию проникают в язык. Введение термина концепт, который условно обозначает данную содержательную область, очерчивает когнитивный контур смысла, создает концептуальное «оплотнение» смысла. Последнее может мыслиться как идеально существующая тонкая пленка, мысленно обволакивающая смысловой субстрат. Для нашего исследования важно проследить движение смысла внутри концепта, определить смыслопорождающую точку, интенцию смыслового развития.

Смысл как часть ментальной сферы — бесформенная субстанция. Она представлена текущей мыслимой массой. Концепт улавливает и структурирует эту массу: он разбивает и организует вокруг себя смысловое пространство. У концепта нет материального «тела» в концептуальных системах, он есть некое мысленное образование, явленное в ментально-лингвальной сфере в виде смысловых сгустков разной степени плотности. Эта ядерная зона — хранилище того языка, который можно обозначить как «невоплощен-

ный язык», не облаченный еще в материальные одежды, в некоем дознаковом его состоянии. «Язык никогда не будет тем, что мы мыслим, но тем в чем совершается мысль»⁸. Это область языкового мышления. Здесь происходит сцепление языкового и неязыкового знания, которое служит основой для проявления когнитивных способностей интеллекта человека, проявляющихся в интуитивной, рациональной и креативной сферах. Это и не язык как таковой, это потаенное место всеобщих смыслов, конструкторов, семантических и грамматических, которые ищут свое отражение в специфических концептуальных системах (например, в концептуальной системе национального языка). Констатируя этот факт, мы приходим к пониманию языка как духовной сущности (!). становится понятным интерес философов к проблемам языка. Философию всегда интересовали ненаблюдаемые объекты. Интуитивное понимание существования потаенного ядра может быть обозначено термином фрактал: «в нашем восприятии мира коренятся огромные лакуны, заполненные нашими конструкциями. То, что мы воспринимаем как «объективное восприятие» несет в себе отпечаток познавательной структуры»⁹.

Пройдя через концептуальный фильтр, своеобразное сито, информационно-содержательный хаос превращается в нечто более определенное: вся смысловая ткань становится похожей на сеть смысловых сгущений. Последние подвергаются операционному воздействию мысли: мысль эти сгустки объединяет или разъединяет. Семантика, связанная с ментальной сферой, сферой языкового сознания может быть обозначена как семантические сети. Данное понятие есть указание на способ хранения знаний о мире в сознании человека. Значит, семантические сети — это ассоциативно организованный, ментально представленный каркас («решетка»). Моменты соединения (узлы) внутри «невидимого» каркаса — точка размещения концепта. Следует признать, что такая конструкция удовлетворяет всем требованиям системы. В ней наличествуют дискретные единицы (концепты); вписанные в структуру (семантические сети), которая представляет собой результат действия связей и отношений между элементами-концептами. Оправданным можно считать употребление по отношению к семантическим сетям термина «концептуальные сети». В них смысловые сгустки, выделенные из содержательного потока, занимают свою позицию. В узловых моментах смысловая стретта получает свою концептуальную ментальную форму — «оплотнение».

⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. — СПб.: 1999. — С. 496. — Цитирую по Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение. — М.: 2006. — С. 339.

⁵ Гоготшивили Л.А. Непрямое говорение ... — С. 355.

⁶ Лосев А. Философия имени // А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. — М.: 1990. — С. 178.

⁷ Там же. — С. 178 — 179.

⁸ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: 2007. — С. 31.

⁹ Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: «Слепые пятна», перипетии и узнавания. — М.: 2009. — С. 19.

Концепт — единица ментального уровня, конструируется с неявленной формой, но содержательно выстроенный через организацию семантического примерного континуума. Концепт — представлен в ноуменальной области, заключая в себе нечто почти непостижимое. Концепт, в отличие от фонемы, односторонняя единица плана содержания. Его можно представить как смысловую модель, более сложно устроенную по причине своей дуалистической сущности. Это единица односторонняя, только плана содержания, но активно проявляющая огромное желание быть означенной. В этом концепт характеризует себя как элемент энергетически заряженный. В своей тенденции к самообнаружению концепт заявляет о себе в момент соединения неязыкового знания с языковым знанием. Границы этого перехода зыбки, это позволяет искать компромиссное решение вопроса о месте «бытования» и характере воплощения концепта.

Следует признать близкой к истине точку зрения авторов, считающих, «что часть концептуальной информации имеет языковую «привязку», т.е. способы их (концептов — С.П.) языкового выражения, но часть этой информации представляется в психике принципиально иным образом, т.е. ментальными репрезентациями другого типа — образами, картинками, схемами и т.п.»¹⁰. «Языковая привязка» предполагает кодификацию через язык: значимые концепты кодируются в языке. Существенным аргументом проявления языковой сущности в концепте можно считать характер грамматических категорий. В языке они выступают абстракцией абстракций, в своей значительной отвлеченности от лексического материала сближаются с концептуальной зоной. При этом они представляют собой некую «сетку», «каркас для распределения всего концептуального материала, который выражен лексически»¹¹. Например, такие концепты, как движение, действие, время, прежде всего, репрезентируются через грамматику как отражение концептуальной сущности, а затем находят пристанище в лексической абстракции. Таким образом, концепт в силу указанных причин выступает как «слуга двух господ»: в содержательной части (в большей степени) — концептуальной системы, в момент поиска формы для означивания, репрезентации (в меньшей степени) — языковой системы.

Такого рода модель также может быть подвержена квантованию. Если фонема предполагает «вхождение» в язык, то концепт осуществляет выход за пределы языковой парадигматики в область концептуальных систем. У фонемы наблюдается облегченность семантическая, у концепта

констатируется материальная независимость. Концепт как единица ментального уровня, как результат когнитивной обработки (квантования) смыслового потока, собственно и есть тот квант, который активно ищет языковую форму (или языковые формы), чтобы придать некую завершенность процессу. Направленный в определенное смысловое русло, он представляет собой средоточие смысловых пучков, стекающихся в одну глобально представленную точку — квинтэссенцию человеческого опыта по отражению реальной действительности.

Будучи устроенным в ментальной сфере по полевому признаку, испытывая воздействия центробежных сил, смысл только в ядерной своей части опознаваем («самотождественен»), на периферии очень сильно действует центробежных сил, которые пытаются развалить данный смысловой сгусток. Причина заключается в том, что периферии соседних смысловых образований имеют почти одинаковый набор признаков, что создает наложение полей, в результате чего происходит «перетягивание» признаков с одной орбиты на другую. И только центробежные силы заставляют обеспечивать цельность смыслового поля.

Наибольшей степенью концептуального сгущения обладает абсолютная идея (вечный смысл) в меонально-инобытийной лестнице, которая есть поле, построенное по принципу разуплотнения предельно сконцентрированной центральной идеи. Ноэмо-ноэтические смыслы растворяются в языковой семантике.

Ноэматические смыслы воплощаются в языковом значении. Ноэтические смыслы то, что осталось невостребованным, несемантизированным, нефиксированным смысловым содержанием, скрываются в потенциальной области языкового смысла. И та и другая категории имеют языковой статус, потому что сфера их бытования — языковое содержание. Ноэматический смысл (языковое значение), отягощенный материей, вступает в иное языковое пространство. При этом всегда остается ощущение неполноты смыслопорождения, т.к. ноэтический смысл остался лишь не реализованной потенцией (языковым смыслом).

Зацепленные семантикой, значение и смысл начинают структурироваться: содержательные кванты находят прибежище в семемах, которые становятся содержательным элементом лексики и грамматики. Через семемы происходит «оплотнение духа» (П.Флоренский), он «оседает» в слове. Форма перевоплощения тонкой материи языка, значения и смысла контуры семемы в лексическом значении и контуры граммы в грамматическом значении. Идеальное перерождается в материальном, осуществляется в слове. Знаковая форма лишь русло для движения смысла. «Имя

¹⁰ Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. — М.: 1996. — С. 91.

¹¹ Там же.

— тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность»¹².

Двукомпонентность ментально представленного смысла нашла отражение в лингвистической семантике, которая выделяет в структуре лексического значения интенционал и импликационал. Данное членение укладывается и в двувидовое различие понятий, которые определяют движение мысли в человеческом сознании, направляют ее работу со смысловым потоком. Согласно терминологии М.В.Никитина, это конструктивно-логические и индуктивно-эмпирические понятия; в терминологии С.Д.Кацнельсона¹³ соответственно — формальные и содержательные понятия. Формальное понятие включает в себя минимальный набор общих признаков, предполагающих жесткую, обязательную связь со всеми членами данного класса.

Содержательное понятие является открытой системой, без строго детерминированной связи. Динамичность, изменчивость и подвижность данного понятия определяется его «вероятностной (стохастической) структурой»¹⁴. Такое выделение связано с тем, «что мир диалектичен и имеет вероятностную природу, обнаруживает, что границы между классами вещей текучи, зыбки, эти классы представляют собой нечеткие множества, что отнесение вещей к одному и тому же классу не абсолютно»¹⁵. Более того, «признаки, обнаруживаемые у вещей того или иного класса не все строго обязательны для каждой вещи, а скорее характеризуются большей или меньшей вероятностью быть обнаруженными у вещей этого класса»¹⁶. Следовательно, можно говорить о том, что разветвленность стохастической (вероятностной) структуры содержательного понятия допускает «вращение» его в общую систему значения, т.е. охватывает сумму сведений о предмете, обращенную в бесконечность. Объемность (глобальность) информации предполагает особую форму хранения данного типа понятия в виде диффузно-свернутого знания, способного в любую минуту быть развернутым до мельчайших подробностей. К этой базе данных обращаемся лишь по надобности, поскольку нет необходимости «ворочать целыми глыбами и при каждом упоминании о предмете мобилизовать весь наш запас сведений о нем. При обычных условиях достаточно оперировать словом как носителем формального понятия,

не загромождая мысль излишними деталями»¹⁷. В целостном понятии эти два аспекта (содержательный и формальный) находятся в диалектическом противоборстве и взаимодополнении, что и обуславливает диалектику сочленения интенционально-импликационального содержания в лексическом значении, отражающем понятие в двух его ипостасях. Этот, в целом уже традиционный подход к структуре лексического значения может быть описан в терминологической системе понятий когнитивной лингвистики. В языковой категоризации выделяются два аспекта — статический и динамический. На их базе категоризация определяется соответственно как системная (базовая, ядро которой соотносено с понятием по аналогии с классической категорией) и функциональная, «основанная на категоризации слова в момент его использования в речи, т.е. в момент формирования смысла высказывания», она (категория) «так же системна»¹⁸ (в какой-то степени обнаруживается ее связь с когнитивной категорией). Эти две категории — основа системного значения, статического освоения действительности, и функционального значения, динамического ее освоения. При использовании этой терминологии возникают некоторые сомнения, относительно того, что имеется в виду под функциональным значением: значение речевое (речевой смысл) или значение языковое, но в потенциально предполагаемой перспективе, неявленной его части.

Думается, что автор представленной концепции (А.Л.Шарандин), склоняется к последнему, потому что рассматривает слово как знак «вообще» и языковой знак в частности. Тогда семантическая структура как аккумулирующая система представлена обязательным компонентом знаковой семантики, но необязательным компонентом собственно языковой семантики. Двукомпонентность кодифицированного в слове лексического значения соотносена в ядерной части с языковым значением, а на периферии с языковым смыслом. Лексическое значение — это их проекция.

Под интенционалом понимается концептуальное ядро значения, опирающееся на родо-видовые отношения, что позволяет выделить гиперсему (архисему), как родовую часть содержания, и гипосему, как видовые признаки, являющиеся дифференциальными по отношению друг к другу. Специфика содержания интенционала в слове связана с его конкретно-абстрактным характером. В нем общее понятие, взятое крупным планом, способствует проявлению отвлеченных признаков, при этом единичное остается невыявленным, глубоко скрытым.

¹² Флоренский П. Имена. — Кострома: 1993. — С. 26.

¹³ Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. — М.;Л.: 1965; Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: 1972; Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: Из науч. наследия. — М.: 2001.

¹⁴ Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. — М.: 1988. — С. 51.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Кацнельсон С.Д. Содержание слова ... С. 23.

¹⁸ Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. — Тамбов: 2001. — С. 17.

Импликационал представляет собой периферийные семантические, окружающие концептуальное ядро лексического значения и базирующиеся на содержательном понятии (когнитивной категории). Импликациональные признаки, как предполагаемые, вероятностные, не всегда, очень редко, находящие отражение в словарной статье, образующие «периферию ... информационного потенциала»¹⁹ обладают разной степенью связанности с интенционалом. В соответствии с этим выделяют сильный импликационал, слабый импликационал, отрицательный импликационал. Традиционно плоскостное представление структуры лексического значения дополняется объемно-многомерными. Полевая структура значения несколько отходит в описании семного набора от традиционной строгой иерархии, опирающейся на систему отношений «часть — целое», «род — вид». Семантическая мономерность при этом переходит в разряд семантической многомерности. Периферия представляет собой открытую систему, в которой форма существования семантических признаков при удалении от ядра напоминает «броуновское движение», вызванное стремлением вырваться за пределы данного концептуального ядра. Чем дальше от ядра, тем меньше сила векторного притяжения, тем сильнее стремление к распаду, тем активнее происходит вовлечение семантических «отщепенцев» в сферу действия другого понятийного ядра. Вся лексическая система при этом выступает как цельный организм, в котором обустроенные семантические поля слов зацеплены друг за друга своими перифериями в борьбе за присвоение предельно удаленных от ядра признаков. Пока эта борьба существует, язык живет и в этом черпает силы для своего развития.

Отметим, что интенционал постоянный, обязательный компонент значения, импликационал «очерчивает ожидаемую область того, может быть названо в связи с данным именем»²⁰, а поэтому он обусловленный компонент значения, являющийся уже результатом варьирования в контексте или еще существующий как возможность, потенция для последующей интерпретации в речи. Естественно, что между интенционалом и импликационалом нет четких границ, переход между интенциональными и импликационными признаками незаметен.

Смысл, ищущий вербального оформления, в языке приобретает качество недосказанности (неполной выраженности). Тот самый гуссерлевый ноэмати́ческий смысл, вовлеченный в сферу семантики, оказался вербализованным, ноэтические брожения смысла ушли в область потенциальной

периферии языкового значения. Эта сфера возможного и есть импликационал.

Итак, вышеизложенное свидетельствует о том, что организованное языковое семантическое пространство слова не есть застывшее аморфное образование. Чтобы это понять, надо представить слово в трехкомпонентном единстве языка — система / норма / стиль. В языке-системе слово предьявлено как квинтэссенция данной категориальной конструкции — предельная семантическая абстракция, свидетельствующая о максимальной степени удаленности от реальности изображаемого объекта, она сближена с концептом. Словонорма более всего напоминает застывший конструкт. В нашем восприятии это семантический инвариант слова, нашедший отражение в словаре. Интересно отметить то, что в словарь, как фиксирующий норму, заносятся единицы с сигнификативным значением, предельно обобщенным, подкрашенным в иллюстративных примерах денотативным значением. Очень примечательна в этом отношении мысль Б.Кроче о словарных дефинициях как «кладбище кое-как подбальзамированных трупов».

Разнообразие семантических признаков языкового значения (их стохастическая, вероятностная сущность) в сильном, а в большей степени слабом импликационале и сигнализируют о слове в рамках стиля. Таким образом, слово как языковая единица едино. Но оно по-разному профилируется в языковом «контексте» концептуально-языковое, понятийно-языковое, периферийно-стилевое. Смысл взаимодействует с языковым значением в слове: он нашел удобную форму перетекающей конструкции. В нормативной отстаиваемой части значения он своеобразно нейтрализует свою онтологическую сущность и стиливое семантическое многоголосие. В этой норме смысл ищет равновесия. Но еще раз отметим, что в языке смысл «реализует» себя только как возможность: явно он не присутствует.

Итак, в рамках современного взгляда на структуру лексического значения специфика слова как конкретно-абстрактной категории проявляется в том, что его значение представляет собой некоторое семантическое пространство с предельной концентрацией, сосредоточением либо отвлеченного в языковой части, либо конкретного на периферии. Данное распределение выражается в эскизности общих признаков значения и пышности конкретных признаков, постепенно переходящих в ассоциативно-потенциальный фон импликационала, который отражает имплицитную связь имени с неязыковым материалом — энциклопедическим, культурно-историческим. В сжатом, свернутом, диффузном виде импликационал слова хранит большой пласт информации. Последнее следует понимать как намек, способность быстро

¹⁹ Никитин М.В. Основы лингвистической ... — С. 61.

²⁰ Там же. — С. 65.

отыскивать в сознании необходимый смысловой срез в огромном потоке неязыкового содержания. Эта возможность реализуется благодаря ассоциативной связи семантических признаков, входящих в импликационное поле.

В слове с его перетекающей семантической конструкцией, позволяющей делать крен либо в сторону абстрактного, либо в сторону конкретного — многообразия семантических признаков, понятие является динамичным, изменчивым, а отсюда и преобладающая вероятностная (стохастическая) структура будет очень гибкой. Дефиниция «не может смоделировать понятие вероятностной структуры, а дает приблизительный намек на него ... Стохастичность значения подобных слов задана изначально. Указав родовой признак, мы не можем жестко очертить круг дифференциальных признаков»²¹. Но как раз такого рода слова и обладают огромным смысловым потенциалом, способным на различного рода метафорические переносы. «Они приспособлены для того, чтобы вводить денотаты в речь, т.е. выполнять так называемую интродуктивную функцию в тексте»²².

Как видно, интенциональные признаки постоянный компонент значения, выступающий в языке на первый план, фиксирующий как словарное значение в силу своей очевидности. Импликационные признаки — компонент значения, остающийся в языке «в тени», дающий материал для варьирования его в контексте. Тесное взаимодействие двух планов (интенционального и импликационного) представляют сложную органичную структуру лексического значения, зафиксированную и существующую в языке как возможность, в виде некоей семантикой модели. В соответствии с этим ее реализация также будет носить двуспектрный характер: в речевом употреблении слова выделяются эксплицитный и имплицитный компоненты содержания речи. Первый актуализирует ядро лексического значения, словарное значение интенционал. Импликационал находит отражение в имплицитном компоненте. В речи происходит смена фокуса внимания: имплицитный компонент приобретает особую важность, будучи скрытым в языковом плане в виде импликационной ауры, в речевом аспекте он выступает как развернутое содержание, проявляющееся в приращении имплицитного смысла, рождающегося из цепочки импликаций. Вследствие этого имплицитный компонент приобретает особую ценность по отношению к эксплицитному, т.к. он либо дополняет последний, либо удаляет, вытесняет его на второй план, до полного подавления. Данный факт свидетельствует о том, что не все признаки интенционала могут находить отражение в речевом употреблении, часть их подвергается нейтрализации за

счет особой значимости актуализированных импликационных признаков, которые, в свою очередь, конкретизируются в контексте. Тогда в речи возникает любопытное явление: интенциональные признаки, реализованные в эксплицитном компоненте, отступая на задний план, образуют фон, на котором разворачивается потенциальная сила импликационных признаков (ср.: в языке таким фоном служило вероятностное поле импликационала). Таким образом, потенциальное поле смысла, существование в языке в виде ассоциативной ауры импликационала, в речи проявляет, актуализирует, реализует себя как имплицитный смысл. Именно эта энергия смыслового присутствия (на языковой периферии значения) заставляет прорасти имплицитным смыслом речевое употребление. Свобода от языковой нормы дает семантический простор для «разбрызгивания» смыслов в речевых актах. Причина этого не только в текстовой уплотненности, которая заставляет языковой инвариант, опрокинутый в речь, работать на расширение смысла.

Повод к этому дает стохастичность импликационала, внутри которого проявляет себя семантическая (смысловая) валентность, в форме смысловой векторности. Сильный импликационал притянут к ядру центростремительными силами (векторами), за счет них значение сохраняет свои цельность и единство. Слабый импликационал (негемпликационал) в поле действия центробежных сил, он обеспечивает связь с другими лексическими единицами, зацепляясь за соседние периферии. Так возникает способность слова к переосмыслению, или перекатегоризации, «в результате его соотношения с другой категорией»²³ и к поликатегоризации — совместному осуществлению «нескольких концептуальных характеристик»²⁴.

Смысл, как вероятностная сущность, уже заложена в языке в виде потенциала импликационного содержания. В связи с этим возникает необходимость выделить онтологический аспект смысла. «Смысл — не сама сущность, а сущность, воспроизведенная с потерями или наращениями субъективного сознания. Он может быть и возведен в объективность, и приписан способности понимания и толкования»²⁵. «В смысле всегда сохраняется онтологический привкус, если даже слово явно выдвинуто в гносеологический план»²⁶.

Смысл в логическом плане (как возможность) семантический потенциал импликационала, явление языковое: смысл как процесс явлен в виде имплицитных приращений в содержании слова — явление речевое. Взаимоотношения между этими

²³ Шарандин А.Л. Системная категоризация русского глагола. — Тамбов: 2001. — С. 17.

²⁴ Там же.

²⁵ Аветян Э.Г. Смысл и значение. — Ереван: 1979. — С.43.

²⁶ Там же.

²¹ Никитин М.В. Основы лингвистической... — С.57 — 58.

²² Там же.

двумя сущностями по-разному проявляются в языке и речи. В языке в качестве центрального, актуального содержания выступает интенциональное ядро, признаки которого, как правило, и фиксируются в словарной дефиниции. Оттененный импликационал, скрыто присутствующий на «заднем плане», заключает в себе смысловые потенции. В речи же он, реализуясь через имплицитный компонент, нейтрализует, вытесняет на периферию признаки эксплицитного компонента, соотносящегося с интенционалом. Таким образом, можно говорить об обратной пропорциональной зависимости между представленными компонентами структуры значения в языке и речи.

Способность смысла объективироваться как сущность создает возможность для обобщения, приводящего к фиксации в языке новых значений. Итак, смысловое содержание существует как сложный метаморфирующий комплекс. Тернарность категории смысла (концептуальное намерение, семантическая проекция сущности, процесс понимания и интерпретации) проявляется в диалектическом взаимодействии статики и динамики. Таким образом, смысл является не только речевым феноменом в его языковом опосредовании, но и концептуальной категорией, явленной в концептуальной оплотненности. Триипостасность смысла проявляется в оппозиции (см. Рис.2). Язык в этой оппозиции занимает срединное положение — позицию нейтрализации, когда дифференциальные признаки членов оппозиции становятся скрытыми, предполагаемыми. Язык — место для «отстаивания» смысла, его осознания.

Он спрятан на периферии языкового значения (в импликационале).

Следует констатировать следующий факт: в смысле обнаруживаются две стихии, два потока, движущиеся навстречу друг другу. Протовербальный (чистый) смысл, пройдя через горнило языковой «десакрализации», вливается в речевую стихию. Здесь он интерпретируется, обрастает множеством связей и, будучи аккумулятивным, опять входит в языковое русло. Язык оказывается местом встречи по-разному организованных смыслов, способных менять материю языка. В самом языке в движении от стиля через норму к системе он очищается в момент отвлечения и последующего абстрагирования, все больше распредмечиваясь, отстраняясь от конкретного. В срединной точке — норме — смысл концептуальный и смысл речевой встречаются. Именно здесь они воплощаются в значении. Важно отметить то, что смыслы не исчезают, а проникают на периферию значения слова с богатой стохастической структурой. Понятно, что характер этого смысла опосредованный, непрямой. При этом смысл не имеет точных форм своего выражения. Он блуждающая, движущаяся энергия. Смысл всегда подвижен. Значение статично, фиксировано. Своеобразный метаморфирующий комплекс представляет собой не плоскостной семантический узор, а объемную семантическую композицию, существующую в виде полей, вибрирующих как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях.

Концептуальные системы	↔ Я	Речевая стихия
Протовербальный смысл (концептуальный)	↔ З	Вербально выраженный смысл (конкретный)
Глобальный смысл	↔ Ы	Единичный (атомарный) смысл
Мыслимый смысл	↔ К	Материализованный через языковые знаки смысл

Рис. 2. Смысловая оппозиция

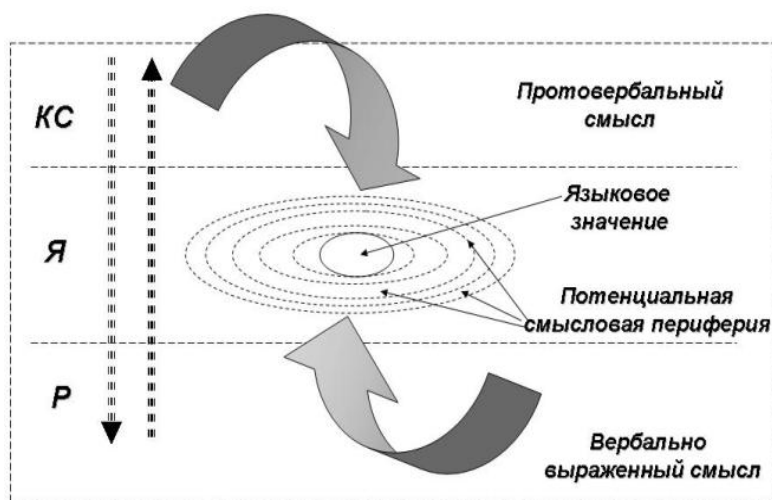

Рис. 3. Движение смысла. (КС — концептуальные системы, Я — язык, Р — речь)

Исходной точкой в построении смысловой перспективы слова является сущностный концептуальный смысл. Это своего рода субстрат, порождающий цепочку прорастающих имплицитных смыслов. Последние, собственно, и создают иллюзию перспективы, представляют собой шкалу (последовательность) дискретных смыслов, зафиксированных в речевом употреблении того или иного автора. Речь выполняет роль «улавливателя» и транслятора смысла. В этом процессе важна точка видения автора, его попытка проникнуть в лабораторию чистого концептуального

смысла. Понятно, что гносеологический аспект в слове представлен ярче, т.к. процедура извлечения смысла из текста имеет дело не с потенциально присутствующим фактом, а с некоторой «формой» и «энергией». Онтологичность же смысла, его объективность предполагает работу по отвлечению от несущественного и выявлению предельно общего, первоначально значимого концептуального зерна, а это есть скрытая мыслительная операция восстановления «оплотнения» концептуального смысла.

CONCEPTUAL MATERIALISATION OF THE SENSE

© 2009 S.N.Perevolochanskaya^o

Nizhniy Novgorod State Linguistic University named after N.A.Dobrolyubov

The sense category may be represented as three-dimension essence i.e. the sense as conceptual – categoric – material essences with different extents of disengaging. The sense performs the function of contents stratification. In the key points the sense clot gets its conceptual mental form, it «materialises». The essential conceptual sense is the starting point of the word sense perspective structuring. The language is a crossing point of differently organised senses, able to change the language substance.

Key words: conceptual materialisation, ontological status of the sense, sense metamorphosis, protoverbal sense, sense opposition, language sense, language meaning.

^o *Perevolochanskaya Svetlana Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology and General Linguistics Department.
E-mail: peresvetnik@yandex.ru*